дополнению — особе короля: лицо, язык, руки, ноги, глаза. Цель подобной декомпозиции — по-видимому, то же абстрагирование конкретного объекта: в конце плача восстанавливается синтез, выраженный в словосочетании «боголюбезное тело». Однако конкретность этого «тела» ослаблена определением. Сами же определения «доброглаголивый», «благосердный», «богоугодный», «многоразумный», «многопресветлый», «златозарный» являются кальками по греческим образцам и соответствуют греческим словам того же значения (εὔθυμος, εὔφρων, πολύβουλος, πολύφρων, θεοφιλής, χρυσοφής, χρυσοφεγγή и т. п.). Эти определения, помимо абстрагирования, усиливают также экспрессивность выражения, чему способствует и повторение сказуемого «блажу», равно как и перифразы, вроде «незаблудные пути еже к ништимь и маломоштьныимь богоугодного даяния» и другие, которые в порядке повествования создают симметрические предложения.

Подобная декомпозиция, как видим, служит именно «пространности» и «сытости словесной». В ней легко развернуться и тавтологическим словосочетаниям и перифразам, которые, между прочим, нередко являются у наших писателей и самостоятельно. Так, Симеон обращается к Савве со словами о приближении своей смерти: «О любимое чедо мое, приспѣ врѣме разлоучению наю, и прииде дьнь отьшьствия моего» (ЖСиС, 75).

Но «сытость словесная» иногда служит и конкретизированию абстрактного. Так, Савва, находясь на Афоне, наблюдает подвизающихся отшельников: «...ови оубо вь высокыхь горахь селитвоу сь елени имоуште, небо црьковь, Христа вь доушахь вьображена зреште, колибы травою оукрашены тѣсны имоуште, вь сихь трьпѣахоу ... ови же вь распаданиихь каменныхь и вь пропастехь земле и на каменнихь морьскыихь птици подобно вьзгнѣздившесе сѣдѣахоу» (ЖС, 23—24). В этом изложении даже Христос, воображаемый только «в душах» отшельников, должен действовать конкретнее.

Надо сразу оговориться, что в произведениях сербских авторов не встретим такой степени конкретизации, какую создал Епифаний Премудрый в Житии Стефана Пермского («кумиры глухии, болваны безгласныи, истуканы безсловесныи»), что, по словам Д. С. Лихачева, и в произведениях позднейших мастеров плетения словес было редким приемом.[33]

На основании приведенных примеров, представляющих наглядное доказательство существования «плетения и извития словес» в произведениях сербских авторов, действовавших до второй половины XIV в., нам кажется, что возникновение стиля «плетения словес» в южнославянской литературе надо отнести хотя бы на сто лет раньше, чем это было принято считать до сих пор. В. Чорович в своей работе «Силуан и Данило II» указывает на некоторые предложения, перенятые из греческих текстов Феодосием в его Службу Симеону и Савве, а также в Похвалу Симеону и Савве, и, между прочим, приводит и следующее: «Похвалами вѣньци почьсти вамь исплѣтаюште»; в Житии Саввы опять же: «Стефаноу вѣнце похвалами вьплѣтати не лѣть есть» (ЖС, 122). Все это В. Чорович связывает с греческим поэтическим стилем, встречающимся в синаксарской поэзии, и добавляет: «Люди, какими были Силуан и Данило, понимали это средство поэтического стиля и на сербском языке пытались и сами применить его». Однако, по словам В. Чоровича, это им почти не удавалось, так как плетение и извитие словес греческих оригиналов нельзя было перенести в славянские стихи, сохранив при этом и точность

---

[33] См.: Некоторые задачи, стр. 37.